

Письма Епископа Игнатія (Брянчанинова) къ разнымъ лицамъ.

(Продолженіе ¹).

Письмо LXIX.

Исповѣданіе и борьба съ грѣховными помыслами.

Грѣхъ человѣка уничтожается исповѣданіемъ грѣха, а самыя корни грѣха истребляются борьбою съ грѣховными помыслами и повтореніемъ исповѣданія, когда помыслы начнутъ одолѣвать. Богъ да проститъ тебѣ прошедшее и да укрѣпитъ на будущее время. Твое искушеніе—ничего не значущее,—только оно было крѣпко отъ того, что ты его скрывала. Перескажи его съ раскаяніемъ матери А., и когда помыслы начнутъ дѣйствовать, то повторяй исповѣданіе съ раскаяніемъ. Великое счастье, когда при этой борьбѣ есть человѣкъ, которому можно исповѣдаться. „Противьтесь диаволу, и бѣжитъ отъ васъ“, сказалъ св. Апостолъ Іаковъ,—противьтесь не соглашаясь со влагаемыми ими помышленіями, и исповѣдуйте ихъ. Всякое лицо, чье бы оно ни было, когда является воображенію, возбуждая нечистыя мысли и помышленія, есть лице диавольское, т. е., лице самого діавола, который во время грѣховнаго искушенія, предстоитъ душѣ и обманываетъ ее принятою личиною, способною возбудить страсть, по настроенію души. Сочетавающійся съ грѣховными помышленіями и мечтаніями, сочетается съ самимъ сатаною и подчиняется ему въ сей вѣкъ и въ будущій: почему необходимо бороться съ помыслами. И самое побужде-

¹) См. „Б. В.“, сентябрь.

Бог. Вѣст.

не из ревности есть также дьявольскій обманъ, потому что тотъ, кто научаетъ другихъ мертвости ко всёму, а потому— и любовью во Христѣ ко всёму равной, не предпочитаетъ одного другому, такъ какъ Христосъ, во всякомъ Своемъ образѣ, есть Единъ.—Господь да возвратитъ тебѣ миръ, чрезъ истинное твое покаяніе. Отпущается тебѣ грѣхъ твой: вредъ не согрѣшай.

Письмо LXX.

Исповѣданіе помысловъ.—Правило поклоновъ.

Увидѣвъ пользу исповѣданія своихъ грѣховныхъ помысловъ, держись этого драгоценнаго явленія, и ежедневно исповѣдай свои согрѣшенія предъ Старицею. Относительно правила: послѣ вечернихъ молитвъ, полагай 10 поклоновъ земныхъ съ молитвою Иисусовою, а потомъ твори 30 молитвъ Иисусовыхъ неспѣшно, со вниманіемъ, шопотомъ. Затѣмъ 5 поклоновъ земныхъ съ молитвою: Пресвятая Владичице моя Богородице спаси мя грѣшную. Потомъ по 3 покл. поясныхъ Ангелу хранителю и всёму Святымъ. Миръ тебѣ!

• Письмо LXXI.

Исповѣдь предъ старцемъ—залогъ спасенія

Какъ зрѣніе своихъ согрѣшеній, такъ и сердечное исповѣданіе ихъ, есть особенный даръ Божій, и испрашивается усердною молитвою. Умоляй милосердаго Господа, чтобъ даровалъ тебѣ этотъ даръ—залогъ спасенія, и сама понуждайся къ откровенности: ибо врагъ рода человѣческаго ненавидитъ этого пути и всячески старается воспрепятствовать рабу Божию, желающему стяжать милость Божию частымъ исповѣданіемъ своихъ грѣховъ. А для тебя этотъ путь необходимъ. Волю свою добровольно отсѣлай предъ Старицею. Милосердый Господь да поможетъ тебѣ во всемъ. Аминь.

Богъ да благословитъ тебѣ приобщиться Св. Таинъ. Облегченіе, чувствуемое тобою послѣ исповѣданія твоихъ поповозновеній, свидѣтельствуешь, что твое спасеніе заключается въ этомъ дѣланіи. Принуждайся со всевозможнымъ успіемъ исповѣдываться предъ Старицею: это поможетъ тебѣ скорѣ.

Оттого, что ты пожила долго въ другихъ монастыряхъ безъ этого дѣланія, тебѣ трудно приняться за него. Но преодолѣй себя!

Письмо LXXII.

Путь твой—все открывать о себѣ Старицѣ. На свидѣнія же твои, на разныя скорби и искушенія, не обращай вниманія, какъ бы онѣ случались съ другими, а не съ тобою; твое дѣло—только о немъ сказать Старицѣ. Такое дѣланіе начнетъ умерщвлять въ тебѣ мало-по-малу страсти. Такъ жителъствовать Досиѳеи, ученикъ аввы Дорофея. Побѣждай ложный срамъ на земли, и не постыдишься на небесахъ.

Письмо LXXIII.

Зависть.—Невмѣняемость.—Смиреніе—въ откровеніи помысловъ.

Какимъ бы оправданіемъ или личиною не прикрывалась борющая тебя ревность, ты не принимай ее. Не думай, что сравненіе себя съ Исавомъ, а близняго съ Іаковомъ, родилось въ тебѣ отъ смиренномудрія. Нѣтъ! этимъ смиреннословіемъ прикрылась зависть, чтобъ удобнѣе низложить тебя. Сохраняй невмѣняемость ¹⁾, т. е. ни съ кѣмъ не сравнивай себя, а смиренія ищи единственно въ откровеніи твоихъ помысловъ Старицѣ, и въ отрѣченіи твоей воли передъ нею, Богъ да поможетъ тебѣ воспріять истинное иноческое дѣланіе.

Письмо LXXIV.

Объ откровеніи помысловъ.

Нисколько не смущайся дѣйствующими въ тебѣ бранями, сопряженными съ тягостію, омраченіемъ и уныніемъ. Такимъ бранямъ обыкновенно подвергаются всѣ перешедшіе, отъ долговременной самочинной жизни, къ послушанію. Понуждай себя къ простотѣ и откровенности предъ Старицею: отъ

¹⁾ „Невмѣняемость“—выражаетъ: не ставить, не вмѣнять себѣ ничего въ достоинство, въ добродѣтель, въ заслугу, въ подвигъ,—не приписывать *себѣ* ничего хорошаго.

всѣхъ же другихъ вполнѣ скрываетъ свои браны, потому что такую преступною откровенностію повредишь себѣ и другимъ, которымъ отнюдь не полезно слышать о твоихъ браняхъ. Попуждай себя и пакы понуждай; за твое постоянное понужденіе къ сокровенности, Господь дастъ тебѣ въ свое время силу открываться съ легостію. А твое спасеніе единственно отъ твоей откровенности предъ Старицею. Безъ этого дѣланія тебѣ не достигнуть ничего духовнаго и благодатнаго, а пребудешь *плоть и кровь*. Если будешь открываться, то достигнешь чистоты, которую осѣняетъ благодать Божія. Не принимай никакого вражескаго осужденія, или смышленія, или подозрѣнія на твою Старицу. Не ищи ея любви, но ищи своего спасенія. Мужайся. Благословеніе Божіе да будетъ надъ тобою, и благодать Божія да осѣнитъ тебя.

P.S. При рѣшительномъ откровеніи согрѣшеній дѣлами, словами и помышленіями, можно въ одинъ годъ преуспѣть болѣе, нежели при посредствѣ другихъ подвиговъ, самыхъ многотрудныхъ втеченіи десяти лѣтъ. Оттого врагъ и борется такъ сильно противъ этого спасительнаго дѣланія.

Письмо LXXV.

Самоволіе и соблазнъ на старца—погибельны.

Теперь ты можешь сказать съ пророкомъ Давидомъ: „Господь, наказуя наказа мя, смерти-же не предаде мя“. Многими скорбями и смертями подобаетъ намъ наслѣдовать Царствіе Небесное, да умертвится нашъ ветхій человѣкъ со страсти и похотми его, и да содѣлается сердце способно къ пріятію Божественной благодати. Какъ видно изъ житія святыхъ Отцовъ, подобныхъ твоему искушенію подвергаются тѣ иноки, которые слабо противустоятъ брани самоволія и самосмышленія, не исповѣдуя своихъ помышленій старцу, и ввѣряясь бѣсу, показывающему ему въ старцѣ такіе недостатки, коихъ въ немъ вовсе нѣтъ. Узнавъ причину попущеннаго тебѣ искушенія, направъ всевозможное усиліе къ устраненію этой причины, и восприми благое иго Христова смиренія, которое является въ послушаніи и откровеніи своихъ помышленій.

Письмо LXXVI.

О правилѣ для больного.

Милость и судъ воспою Господеви. Милость за помилованіе, судъ за то, что, наказуя наказа мя Господь, смерти же не предаде мя.—Благодари Господа и держи себя спокойнѣе. Господь да проститъ тебѣ прошедшее и укрѣпитъ на будущее. Правило съ поклонами дають здоровымъ, а не больнымъ. Впрочемъ, если хочешь, клади утромъ, среди дня и вечеромъ по 12-ти поклоновъ поясныхъ съ молитвою: Боже очисти мя грѣшную. Потомъ твори 50-ть этихъ молитвъ каждый разъ, послѣ поклоновъ. Изъ больницы не выходи преждевременно.

Письмо LXXVII.

О борьбѣ со страстями и съ бѣсами.

Сказалъ святой Іоаннъ Лѣствичникъ въ 4-й степени: „Бѣсъ старается иногда осквернить послушниковъ тѣлесными сквернами, и содѣлываетъ ихъ жестокосердыми, подбуждая ихъ быть—сверхъ обыкновенія—тревожьными, иногда же содѣлываетъ какими-то сухими и бесплодными, тѣшными къ молитвѣ, сонливыми и помраченными, чтобъ ихъ отторгнуть отъ повиновенія, какъ не получившихъ никакой пользы отъ этого подвига, но и ощутившихъ душевный ущербъ. Онъ не попускаетъ имъ уразумѣть, что смотрительное (бывающее по промыслу Божію) отъятіе мнимыхъ въ насъ благъ, весьма часто бываетъ причиною глубочайшаго смиренномудрія“.

Что бываетъ съ монахами послушниками, то бываетъ и вообще съ монахами, живущими ради Бога. Врагъ ратуетъ противъ нихъ различными бранями, чтобъ привести въ безнадѣжіе и отторгнуть отъ монашеской жизни, или ввергнуть въ нерадѣніе. Въ особенности тяжка, наводимая имъ блудная брань и преткновенія, близкія къ паденіямъ, какъ ихъ называетъ преподобный Исаакъ Сирскій. Но вѣрный рабъ и воинъ Христовъ, на этой-то брани, и доказываетъ свою вѣрность Христу и вѣру въ Него: онъ пребываетъ твердымъ, хотя бы понесъ безчисленныя брани. Такъ поступай и ты. Говори врагу: „Я отдалась Богу и рѣшаюсь великодушно

перенести всё мои паденія, сколько бы ихъ ни было, и какъ бы долго они не продолжались“.

Богъ да проститъ тебѣ прошедшее и да укрѣпитъ на будущее.

Письмо LXXVIII.

О подвигѣ превышающемъ силы.

Будь мирна; подвига какъ тѣлеснаго, такъ и умственнаго превышающаго силы твои, отрицайся. Господь любитъ смиреніе, а безумной ревности къ сверхсильнымъ подвигамъ, какимъ бы то ни было, не пріемлетъ: потому что въ стремленіи къ сверхсильному подвигу—гордость и самомнѣніе. Подвигъ сверхъ силы, по ученію святыхъ Отцовъ, очень вреденъ и приноситъ или смущеніе, или самомнѣніе, или то и другое попеременно, что и служить доказательствомъ, что въ сверхсильномъ подвигѣ нѣтъ истины, но онъ есть ложное состояніе души.

Письменные опыты ваши очень хороши, но и этимъ трудомъ надо заниматься съ умѣренностію. Тебѣ не должно утомлять ни души, ни тѣла.

Письмо LXXIX.

Подозрѣнія, самосмысленія, ревность—вишуются врагомъ.

Желаю чтобъ милость Божія покрыла тебя отъ всёхъ искушеній, наносимыхъ врагомъ спасенія нашего, и собственными нашими страстями. Яко яда смертнаго хранись отъ ревности, отъ подозрѣній на старицу и сестру. Искушеніе тебя постигшее, должно показать тебѣ со всею ясностію, какъ обѣдственно ввѣряться наносимымъ отъ врага самосмысленіямъ и подозрѣніямъ, которыхъ неправильность и злое происхожденіе познаются по производимому ими смущенію.

Письмо LXXX.

О терпѣніи нашей скорби.

Очень сожалѣю о постигшей тебя скорби! Тебѣ извѣстно, что скорбь надо потерпѣть, въ надеждѣ на милосердіе Бо-

жіе и на помощь Божію. Возлагая все упованіе свое на Господа Бога, подвижникъ Христовъ долженъ и самъ стараться о уничтоженіи причинъ скорби, если это зависить отъ него. Такое стараніе прилично и тебѣ. Искренне желаю тебѣ терпѣнія и преуспѣванія духовнаго. Если бы обстоятельства устроились такъ, чтобъ мнѣ не пришлось видѣть тебя во время сей земной жизни¹⁾, то память о тебѣ останется незаглажденною въ душѣ моей, и я усердно желаю помогать тебѣ моимъ убогимъ совѣтомъ о Господѣ, когда такой совѣтъ мой понадобится.

Милосердый Господь да проститъ тебѣ все согрѣшенія твои, и да укрѣпитъ тебя противъ искушенія твоего.

13-е Октября 1857 г.

Письмо LXXXI.

О постѣ—по вопросу крайне-болящей инокини.

Милосердый Господь учредилъ, при посредствѣ Святыхъ Своихъ Апостоловъ и Святыхъ Отцовъ, Святителей и Учителей Церковныхъ, различные душевспасительные подвиги, а между ими и постъ святой, коимъ связывается и обуздывается плоть наша. По отношенію всѣхъ этихъ подвиговъ должно помнить, что они для человѣка, а не человѣкъ для нихъ, какъ и Господь сказалъ: *суббота бысть человека ради, а не человека ради субботы*. Сіе должно разумѣть и о постѣ. Почему, находясь въ крайней немощи и немѣя пужды удручать тѣло, а напротивъ, имѣя пужду укрѣплять оное, нисколько не усумнитесь употреблять уху изъ рыбы во время нынѣшней святой четыредесятницы: ибо уха изъ рыбы мѣже дать крѣпости Вашему слабому тѣлу, нежели сколько другому сильному хлѣбъ и вода. Серпевѣдецъ Господь, видящій немощь Вашу, не исключитъ Васъ изъ числа постящихся. Такъ постушали многіе великіе угодики Божіи и между прочими святой Елифаній Кипрскій. Св. Исаакъ Сир-

¹⁾ 27 Октября Архимандритъ Игнатій, въ томъ же 1857-мъ году хиротонисавъ во Епископа Кавказскаго и Черноморскаго, куда немедленно и отправился и, дѣйствительно, никогда болѣе не свидѣлся съ этою ученицею своею.

скій въ 10-мъ словѣ говорить: „Да не смятеши и отсѣчеша житіе твое, еже подобно есть веризѣ духовной и за вожделѣніе прилога мала труда да не останешися и престанеша отъ всего теченія твоего. Яждь умѣренно, да не всегда яси. И да простреша ноги твоя выше силы, да не отнюдь празденъ будеша“. Этотъ премудрый совѣтъ великаго Наставника монашествующихъ вполне можетъ быть приложенъ къ Вамъ; потому что воздержаніемъ, несоотвѣтствующимъ силамъ Вашимъ, вы можете привести себя окончательно въ слабость, лишитесь церковной службы и обществу Вашему, которому теперь приносите нѣкоторую услугу, будете служить обремененіемъ.

Просящій Вашихъ святыхъ молитвъ и любви о Господѣ — недостойный Архимандритъ Игнатій.

1846 года. Март. 2-го д.

Письмо LXXXII.

Къ той-же. Совѣтъ заниматься молитвою Иисусовою.

Препровождая Вамъ краткую статью о молитвѣ Иисусовой. По болѣзненности Вашей Вамъ должно подвизаться лежа, или сидя на спокойномъ стулѣ. Молитву произносите *не спѣшно, со вниманіемъ, заключая умъ въ слова молитвы, имѣя глаза на устахъ, или закрывая ихъ*. Полезно Вамъ почитать краткія статьи о молитвѣ, имѣющіяся у С. Г. ¹⁾. Онѣ Вамъ будутъ способствовать при этомъ дѣланіи, которое сначала кажется сухимъ, но въ послѣдствіи оказывается самымъ плодоноснымъ. Богъ, дали молитву молящемуся, да даруетъ даръ ея Вамъ, дабы отселѣ могли Вы частою молитвою встать на страшный судъ Христовъ и испросить себѣ заблаговременно помилованіе.

1846. Апр. 23.

Письмо LXXXIII.

Къ той-же. Въ утѣшеніе и укрѣпленіе болящей.

Несмотря на то, что Вы больны, Вы потрудились написать цѣлое письмо къ грѣшнику. Вы это сдѣлали, движимые лю-

¹⁾ 1-й Т. Аск. Опыты стр. 47-я и 2-го Т. стр. 167-я.

бовію христіанскою. Богъ утѣшаетъ меня дружбою матушки Игуменіи и Вашею: ибо дружба рабовъ Божіихъ есть истинное утѣшеніе для души, странствующей въ этомъ кратковременномъ и суетномъ мірѣ, враждебномъ Богу.—Да даруются Вамъ силы свѣтныя, отъ Отца Небеснаго, наказующаго всѣхъ, Имъ любимыхъ, и біющаго всѣхъ, Имъ пріемлемыхъ. Я часто о Васѣ вспоминаю; извѣщаетъ меня о Васѣ мое сердце. Вспоминаю Васъ,—и желаю, чтобы вы благополучно, о Господѣ, преплывали житейское море. Сколько въ этомъ морѣ подводныхъ камней! Какими вѣтрами различными, дѣйствующими по различнымъ направленіямъ, оно обуревается! И на немъ еще, кромѣ опасностей ему природныхъ, на немъ еще привитаютъ разбойники! Эти разбойники невидимы для тѣлесныхъ очей, а навѣтуютъ они и тѣло и душу; и тѣло и душу стараются увлечь въ бездну грѣха и потопить въ ней на вѣки! Увы, бѣдная душа человѣческая! Какъ совершишь ты путь по морю житейскому? Какъ спасешься отъ волнъ, отъ вѣтровъ, отъ подводныхъ камней, отъ разбойниковъ, отъ плѣна, отъ смерти?—Не иначе, какъ Христомъ. Онъ сотворитъ силу, Онъ вознесетъ мя, Онъ крѣпость моя и пѣніе мое и будетъ мнѣ во спасеніе. Миръ вамъ!

Письмо LXXXIV.

При вновь вышедшей книгѣ: „Житіе и Писанія Молдавскаго Старца Паисія Величковскаго“.

Позволяю себѣ послать къ вамъ вновь вышедшую книгу: „Житіе и Писанія Молдавскаго Старца Паисія Величковскаго“, того благочестиваго и духовно-просвѣщеннаго мужа, которому чада православной Церкви обязаны за переводъ съ греческаго на славянскій языкъ Добротолубія, Исаака Сирскаго и другихъ Отцовъ. Въ вновь вышедшей книжкѣ, которую я давно знаю въ рукописяхъ, съ особенною ясностію изложено ученіе, весьма приличествующее нашему времени, ученіе о Иисусовой молитвѣ, о которой нынѣ по большей части имѣютъ самое темное, сбивчивое понятіе.

„Иные“, считающіе себя за одаренныхъ духовнымъ разсужденіемъ и почитаемые многими за таковыхъ, „боятся“ этой молитвы, какъ какой заразы, приводя въ причину „прелесть“—

будто-бы непремѣнную спутницу упражненія Иисусовою молитвою,—сами удаляются отъ нея и другихъ учать удаляться. Изобрѣтатель такоговаго учепія, по мнѣнію моему,—діаволь, которому ненавистно Имя Господа Иисуса Христа, какъ сокрушающее всю его силу: онъ трепещеть этого всесильнаго Имени, и потому оклеветалъ Его предъ многими христіанами, чтобъ они отвергли оружіе пламенное, страшное для нихъ врага,—спасительное для нихъ самихъ.

Другіе, занимаясь Иисусовою молитвою, хотять немедленно окупить ея духовное дѣйствіе, хотять наслаждаться ею, не понявъ, что наслажденію, которое подаетъ одинъ Богъ, должно предшествовать истинное покаяніе. Надо поплакать долго и горько прежде, нежели явится въ душѣ духовное дѣйствіе, которое—благодать, которое,—повторяю, подаетъ одинъ Богъ въ извѣстное Ему время. Надо прежде доказать вѣрность свою Богу постоянствомъ и терпѣніемъ въ молитвенномъ подвигѣ, усмотрѣніемъ и отсѣченіемъ всѣхъ страстей въ самыхъ мелочныхъ дѣйствіяхъ и отрасляхъ ихъ.

Представляемая мною „книга“, показываетъ непрелестный образъ упражненія Иисусовою молитвою, состоящей въ тихомъ произношеніи ея устами, или и умомъ, непремѣнно при „вниманіи“ и съ чувствомъ „покаянія“.—Діаволь не терпитъ вони покаянія; отъ той души, которая издаетъ изъ себя эту воню, онъ бѣжитъ прочь съ прелестями своими. Проходимая такимъ образомъ Иисусова молитва—превосходное оружіе противу всѣхъ страстей, превосходное занятіе для ума во время рукодѣлія, путешествія и въ другихъ случаяхъ, когда нельзя заняться чтеніемъ и псалмопѣніемъ. Такоево упражненіе молитвою Иисусовою приличествуетъ всѣмъ вообще христіанамъ, какъ жительствующимъ въ монастыряхъ, такъ и жительствующимъ посреди міра.

Стремленіе же къ открытію „сердечнаго духовнаго дѣйствія“ приличествуетъ наиболѣе, почти единственно инокамъ.—и то познавшимъ подробно бореніе со страстями, при удобствахъ, доставляемыхъ мѣстомъ и прочими обстоятельствами.—Если же „кто бы то ни былъ“, движимый, по выраженію святаго Іоанна Лѣствичника, гордостнымъ усердіемъ, ищетъ получить преждевременно сладость духовную или сердечное молитвенное дѣйствіе, или какое другое духовное дарованіе, приличествующее естеству обновленному: тотъ неминуемо

впадетъ въ прелесть, какимъ бы образомъ молитвы онъ ни занимался, псалмопѣніемъ-ли или Иисусовою молитвою. Это привелось видѣть и на опытѣ. Упоминаемый въ житіи Пахомія Великаго прельщенный старецъ, стоя по дѣйствию прелести на раскаленныхъ угляхъ босыми ногами, произносилъ молитву Господню: „Отче нашъ“. Причина прелести— не молитвословіе, не псалмы, не каноны и акаѳисты, не молитва Иисусова,—нѣтъ! Сохрани Боже всякаго отъ таковаго Богохульства! Гордость и ложь— вотъ причины прелести!—Гордость и ложь, которыхъ виновникъ—дьяволъ. А онъ, чтобъ свалить съ себя вину, дерзостно и Богохульно оклеветать Иисусову молитву,—самъ же всталъ въ сторонѣ, какъ ни въ чемъ не повинный. Нынѣ многіе хлопочутъ, остерегаются и другихъ остерегаютъ отъ молитвы Иисусовой, утверждая, что должно отъ нея удаляться, какъ отъ причиняющей прелесть: а о дьяволѣ, настоящемъ виновникѣ прелести, ни слова,—совсѣмъ забыли. Ахъ! какая явная хитрость дьявола! какъ онъ прячется искусно.

Очень огорчаетъ меня, что нынѣ такъ утеряны людьми истинный духовный разумъ, а разныя ложныя, вполнѣ ложныя мысли, получили такую силу!

Книга Паисія имѣетъ значительные недостатки въ литературномъ отношеніи. Что до того? Часто смиренныя пустынники, выходя изъ пустынь своихъ, лишь прикрытые рубищемъ, словомъ скуднымъ и нескладнымъ возвѣщали христіанскому міру святую и спасительную Истину; напротивъ того сколько видимъ книгъ, убранныхъ звучными словами, блестящими мыслями, въ стройномъ систематическомъ порядкѣ,— а онѣ заключаютъ въ себѣ ядъ, убивающій души!

Письмо LXXXVI.

Къ нѣкоторому Настоятелю о молитвѣ Иисусовой.

Старецъ Паисій не раскаявался, какъ разглашали нѣкоторые, не вполнѣ понявшіе его слова и не имѣвшіе опредѣлительнаго понятія о умной молитвѣ, въ напечатаніи книги „Добротолюбія“, переведенной имъ съ греческаго на славянскій языкъ. Онъ, проникая духъ времени, предвидѣлъ вредъ многихъ легкомысленныхъ и самоопытныхъ, имѣющихъ

повредиться употребленіемъ великаго блага умной молитвы во зло. Движимый духовною любовію и состраданіемъ къ человѣчеству, столько поврежденному грѣхопадениемъ, что самыя средства къ своему спасенію, оно обращаетъ въ средства къ большому осужденію, къ умноженію бѣдствій, нанесенныхъ грѣхопадениемъ,—Паисій огорчался и болѣзновалъ, подражая этимъ многомилостивѣйшему Господу Иисусу, Который проливалъ Свои всесвятѣйшія слезы о Иерусалимѣ, отвергшемъ Его, а потому не только отвергшемъ спасеніе, Имъ принесенное, но и навлекшемъ на себя и на чадъ своихъ лютейшія казни.—Такова была мысль Паисія! Такова была печаль его при напечатаніи Добротолюбія, о переводѣ и напечатаніи котораго онъ положилъ столько трудовъ! Эта мысль и эти чувствованія изображены имъ въ письмѣ его къ Θεодосію, Архимандриту Софроніевой Пустыни.

Не одно Добротолюбіе употреблено во зло! Употреблены во зло Писанія святаго Апостола Павла, какъ засвидѣтельствовадь самъ верховный Петръ. Употреблено еретичествовавшими во зло все Священное Писаніе. Самое Божественное Евангеліе употребили и доселѣ употребляютъ во зло, для гибели своей, многіе милліоны протестантовъ, толкуя его неправильно и неблагочестно, по поводу будто бы его, удаляясь отъ единенія со вселенскою Церковію, составляя отдѣльное душепагубное еретическое сонмище, которое они дерзають называть Церковію Евангельскою. Апостоль Павелъ свидѣтельствуеть, что они—Апостолы—Христово благоуханіе Богови въ спасаемыхъ и погибающихъ: овѣмъ увонья смертная въ смерть; овѣмъ же вонья животная въ животъ. Даже о Господѣ Иисусѣ Христѣ сказалъ Святыи Богопріимецъ Симеонъ: „Се лежитъ Сей на паденіе и на востаніе многихъ во Израили, и въ знаменіе прерѣкаемо“.—Святыи Исаакъ Сирскій въ 54-мъ словѣ говоритъ: „Слово крестное погибающимъ юродство есть. Что изъ сего слѣдуетъ?—Поелику оное слово крестное казалось юродствомъ тѣмъ, которые не ощущали силы сего слова; то долженствовало-ли Павлу умолкнуть и престать отъ проповѣди? Но и до сего дня крестъ служитъ поводомъ къ претыканію и соблазну Іудеямъ и Еллинамъ.—Итакъ должно-ли умолчать, чтобъ сіи не соблазнялись?—Павель не только не умолчалъ, но такъ взывалъ: Мнѣ да не будетъ хвалитися,

только о Крестѣ Господа нашего Иисуса Христа. Повѣдано здѣсь святымъ Апостоломъ хваленіе о Крестѣ не съ тѣмъ, чтобъ соблазнить другихъ, но чтобъ возвѣстить о великой силѣ Креста“.

Божественное добро не должно быть отвергаемо, если нѣкоторые или и многіе, употребили его во зло. Это надо отнести и ко Иисусовой молитвѣ. Самъ Иисусъ былъ камнемъ преткновенія для многихъ; проповѣдь о Немъ была камнемъ преткновенія; Крестъ Его былъ камнемъ преткновенія; какъ же Святыишему Имени Его не участвовать въ тѣхъ же обстоятельствахъ? Изъ того, что могу я заключать по двадцатилѣтнимъ наблюденіямъ современнаго монашества Православной Отечественной Церкви находясь это время самъ въ нѣдрѣхъ его, даю слѣдующій отзывъ: Если находятся еще въ наши времена, времена нищеты, глада и мрака въ духовномъ отношеніи, иноки, имѣющіе отчасти истинное духовное разсужденіе; то это тѣ весьма не многіе, которые будучи просвѣщены умною Иисусовою молитвою, познали подробно свои страсти, дѣйствія лукавыхъ духовъ и наконецъ дѣйствіе Духа Божія, начинающагося съ изліянія въ душу священнаго мира о Христѣ. Кто же при свѣтѣ умной молитвы не узрѣлъ страстей своихъ, не позналъ дѣйствія лукавыхъ духовъ и не вкусилъ что такое миръ Христовъ, соединяющій во едино умъ, душу и тѣло; тотъ не имѣетъ и понятія о духовномъ разсужденіи, хотя и мнитъ имѣть его обольщаемый тщеславіемъ. Таковое мнѣніе свойственно всѣмъ, проходящимъ, такъ иназываемый Св. Симеономъ Новымъ Богословомъ, второй образъ вниманія и молитвы. При благонравіи можно имѣть разсужденіе, или разумъ и естественный, и дѣятельный, и образованный науками и чтеніемъ, какъ весьма основательно разсуждаетъ о семъ Преподобный Григорій Синайскій: но это еще—не разсужденіе духовное! Отъ таковаго разума отстоитъ духовное разсужденіе, какъ небо отъ земли, и превосходитъ его, какъ свѣтъ солнца превосходитъ тусклаго свѣта ночныхъ свѣтилъ небесныхъ.

Письмо LXXXVI.

Къ нѣкоторому Настоятелю о любви къ братіи, о умной молитвѣ и о покаяніи.

Что скажу на письмо ваше?—Увы! Нетлѣнной и блажен-

ной святости не вижу въ себѣ и слѣда! Не отъ дѣйствія благодатнаго смиренія, но самымъ опытомъ, самыми грѣхопаденіями моими убѣждаюсь, что я грѣшнецъ. Желалъ бы непрестанно зрѣть грѣхи мои и плакать о нихъ; но окрадываютъ и омрачаютъ меня забвеніе, разсѣянность, нерадѣніе мои!—Вы изволите писать, что въ письмахъ моихъ къ вамъ я не рѣшался ни на какое слово, назидательное для васъ собственно. Какъ могъ я рѣшиться на него, имѣя тяжкое бревно во окѣ души моей, заграждающее отъ меня зрѣніе грѣховъ моихъ и преграждающее токъ слезамъ моимъ? Говорю только вопрошающимъ, и то, когда увѣренъ, что вопрошаютъ искренно, по требованію души, а не мимоходомъ, или по любопытству. И нынѣ, получивъ письмо ваше, я умилился окаяннѣвшимъ сердцемъ моимъ и беру перо для отвѣта вамъ, единственно съ тою надеждою, что милосердый Господь, видя истинную нужду души вашей и вѣру вашу, даруетъ слово полезное, а мнѣ проститъ мое дерзновеніе по тѣснотѣ нынѣшняго времени, въ которое весьма оскудѣло истинное духовное знаніе. Поелику же пишу къ рабу Божию и ради Бога, то оставляю въ соображенія міра, чтобы увлекшись какимъ-нибудь побужденіемъ человѣческимъ, не содѣлаться мнѣ предателемъ души вашей, прибѣгшей ко мнѣ за совѣтомъ о Господѣ и имѣющей обвинить меня предъ Господомъ на Страшномъ Судѣ Его, если я въ этомъ суетномъ вѣкѣ поврежу совѣтъ мой лицемѣрствомъ, лестію и челоуѣкоугодіемъ.

Вѣрую по преданію Церкви и съ Церковію, что всякій православно вѣрующій во Христа и исполняющій заповѣди Его, а нарушеніе заповѣдей, очищающій покаяніемъ,—спасется. Такъ сказалъ Самъ Господь юношѣ, спросившему Господа, какъ ему спастись. Но есть еще и другая цѣль христіанина, для которой въ особенности назначаются иноки, цѣль достигаемая и не достигаемая: христіанское совершенство.—Путь къ этому совершенству есть очищеніе себя заповѣдями Новаго Завѣта, Евангеліемъ, руководствуясь которымъ сынъ ветхаго Адама можетъ усыновиться Новому Адаму. „Всякъ имѣяй сію надежду“—говоритъ св. Іоаннъ Богословъ—„очищаетъ себя, якоже Онъ чистъ есть“.—Но Новая заповѣдь „широка есть зѣло!“

Говоритъ новая заповѣдь: „Кто хочетъ пріобрѣсти душу

„свою, да погубить ю“. Что значитъ погубленіе души?— Отверженіе дѣйствій по собственнымъ чувствамъ и понужденіе себя къ дѣйствию по заповѣдямъ Евангельскимъ. Евангеліе дѣйствующему такимъ образомъ сообщаетъ свой разумъ и свои ощущенія, принадлежація къ естеству новаго человѣка, обновленнаго по подобію Создателя и Испытателя нашего. Въ этомъ состоитъ принужденіе и насилуваніе себя, предписываемое Евангеліемъ. Это значитъ совѣтъ, такъ часто повторяемый Святыми Отцами: „Даяждь кровь и прими Духъ“. Отсѣки отъ себя свойства падшаго естества, и привѣй къ себѣ свойства естества обновленнаго Христомъ.

Не только „плоть“, но и „кровь“ Царствія Божія не наследуютъ. Но какъ „Царствіе Божіе внутрь насъ есть“, то должно изъ этого заключать, что доколѣ возбуждаются и сопровождаются въ насъ сердечныя ощущенія движеніями крови, дотолѣ мы чужды духовнаго дѣйствія, истекающаго отъ Бога. При духовномъ, Божественномъ дѣйствіи кровь умолкаетъ и бываетъ „тишина велія“. Тотъ святыи миръ, который не въ нашемъ падшемъ ествѣ, но дарованъ и даруется Господомъ, миръ, превысшій всякаго ума, нисходитъ въ душу. Онъ изливаетъ священное спокойствіе въ умъ, сердце и тѣло раба Христова, соединяетъ сіи три во едино и представляетъ ихъ Христу, погруженныхъ въ бездну смиренія, приведенныхъ въ состояніе о Христвѣ. Это состояніе принадлежитъ естеству обновленному.

Приглашаемый вами преподать вамъ совѣтъ душеполезный, совѣтъ о Господѣ, отвлекая вниманіе отъ смердящихъ язвъ души моей, и, обращаясь къ вамъ, говорю вамъ ради Бога съ сердечнымъ плачемъ слѣдующее:

У васъ пылаетъ естественный огонь и кровь ваша язва. По этой причинѣ нѣтъ мѣста въ сердцѣ вашемъ для того Божественнаго огня, который ввергнуть въ насъ пришелъ Господь и которымъ потушается огонь естественный. „Глаголюй обою имѣти“.—говоритъ св. Іоаннъ Лѣствичникъ,— „прельсти себѣ“. Въ васъ—движенія, именно зависяція отъ крови: онѣ препятствуютъ явленію движеній духовныхъ, держатъ душу вашу въ темнотѣ и какомъ-то нерѣшенномъ состояніи, вами ощущаемомъ, но не понимаемомъ. Не понимаемомъ: потому что таковыя движенія могутъ сообщать

только мнѣніе знанія, а не самое знаніе, ясное, точное, какъ истинное. Отъ того-то совѣтъ ваша, когда вы разсматриваете себя и вникаете въ себя, отвѣчаетъ вамъ невнятнымъ, страшнымъ голосомъ самомиѣнія. Вы нуждаетесь въ утѣшеніи: да утѣшитъ васъ—Истина!

Въ двухъ отношеніяхъ рассмотримъ предметъ, о которомъ теперь бесѣдуемъ: въ любви къ ближнему и въ дѣйствіи умной молитвы.

Вы живы для человѣковъ, вы любите ихъ огнемъ естественнымъ.—Отъ того и человѣки для васъ живы, а Христосъ—мертвъ. (Не смутитесь словами моими: выше я отличилъ спасеніе отъ совершенства, оставивъ говорить о первомъ, какъ по милости Божіей для васъ вѣрно, говорю о пути ко второму, о очищеніи). Во 2-й части Добротолюбія, въ книгѣ иноковъ Каллиста и Игнатія, въ главѣ 37-й приводятся слѣдующія слова Великаго Варсонофія: „Еже не вмѣнитися въ человѣцѣхъ, сотворитъ тя вселитися во градъ, а еже умрети отъ всякаго человѣка, сотворитъ тя наслѣдовати градъ и сокровища“. Не убойтесь этой смерти; отъ нее рождается новая жизнь. Когда оживете новою жизнію; то увидите, что жизнь, умерщвленія которой требуетъ отъ насъ Богъ,—есть смерть. Это та смерть, которою умеръ Адамъ немедленно по вкушеніи отъ запрещеннаго древа, оживъ въ смѣшанныя познанія и ощущенія добра и зла. Скажите Богу о всѣхъ родственникахъ вашихъ живыхъ и почившихъ, скажите о братіяхъ обители вашей, о всѣхъ любимыхъ вами: „Господи! Это все Твое, а я кто?“ Точно, все это—Божіе; Божіе не будемъ похищать себѣ. И мнимо-любимымъ нами вѣрнѣе быть Божими, нежели нашими. Не правда ли? Если правда, то примемъ правду во спасеніе. Умремъ для естественной любви къ ближнему, и оживемъ новою любовію къ нему, любовію въ Богъ. Тогда умремъ естественною, смѣшанною любовію къ ближнему, когда „не смѣнимъ себя, по совѣту Великаго Варсонофія, въ человѣцѣхъ“, когда оплюемъ себя, какъ нѣкую мерзость. Послужимъ ближнему въ служеніи нашемъ, не какъ отцы чадамъ, но какъ рабы Господамъ, какъ непотребные слуги Святымъ Ангеламъ. Этого и Павелъ хотѣлъ; и онъ такъ мыслилъ! „Не себе проповѣдуемъ, говорилъ онъ Коринтянамъ, но Христа Иисуса Господа, себе же самѣхъ рабовъ

вамъ „Иисуса Господа ради“. Божіе отдадимъ Богу. Не будемъ мнѣніемъ присвоивать себѣ Божіе: отъ нашего мнѣнія Божіе не сдѣлается нашимъ, а только мы будемъ обманываться пустымъ, достойнымъ смѣха и вмѣстѣ плача самообольщеніемъ. *Когда же смиримся, то Богъ Свое можетъ намъ дать:* тогда оно точно сдѣлается нашимъ по благодати. Такимъ образомъ Святые, содѣлавшись сосудами Святаго Духа, содѣлались и отцами въ Духъ, имѣли чадъ въ Духѣ. Заповѣдь Христова: Не нарицайте себѣ отца на земли, ни учителя на земли, оставалась не нарушимою. Когда Ананія и Сапфифа солгали предъ Апостоломъ Петромъ; то пали мертвыми; а Апостоль объяснилъ ихъ вину, что они солгали Богу, хотя предъ собою видѣли не Бога, а только человѣка—Апостола. Но этотъ человѣкъ былъ сосудъ Святаго Духа; сдѣланное по отношенію къ нему, отнеслось къ Богу. Многіе изъ Святыхъ называли чадами тѣхъ, которымъ они общали жизнь Духа. И то было истинно: потому что словамъ сопутствовало самое дѣло. Но мы, не имѣющіе въ себѣ явнаго обитанія Духа, можемъ-ли сами присвоивать себѣ то, что даетъ только Богъ. Не страшное-ли это святотатство! Не самообольщеніе-ли это, достойное, по производимому имъ ложному состоянію, горькаго плача?—Тѣ изъ Святыхъ Отцовъ, въ которыхъ обиліе благодати не преливалось такъ, какъ въ Апостолахъ и другихъ величайшихъ Угодникахъ Божіихъ, не дерзали называть себя учителями и отцами. Изъ нихъ преподобный Ниль Сорскій въ предисловіи къ своему Скитскому Уставу говоритъ: „Не называю васъ учениками моими: одинъ у насъ Учитель Христосъ“ и проч. И это по завѣщанію Апостола, который говоритъ: „Аще кто глаголетъ, яко словеса Божія, аще кто служитъ яко отъ крѣпости, юже подаетъ Богъ, да о всемъ славится Богъ Иисусомъ Христомъ“. Повсюду умерщвленное „я“!—Повсюду Христосъ живой и Подающій жизнь. Смиреніе убиваетъ естественную любовь. А если она умираетъ отъ смиренія, то жизнь ее составляется гордостью. Принадлежка къ свойствамъ ветхаго Адама, она требуетъ умерщвленія и возсозданія Духомъ. Въ ней живетъ идолъ „я“, поставленный на престолъ татейно вкравагагося самомнѣнія и завѣщивающіеся завѣсою будто-бы добродѣтели.

Апостоль Павелъ не любилъ этой любви въ ученикахъ
Бог. Вѣст.

своихъ къ себѣ; за нее называлъ онъ ихъ плотскими. Вооружаясь противъ нее, онъ писалъ противъ себя, желалъ во мнѣннн учениковъ изложить, уронить, уничтожить себя. „Еда Павелъ распяты за васъ, говорилъ онъ имъ? Кто убо естъ Павелъ? „Азь насадихъ, Аполлосъ напои, Богъ же возрасти. Тѣмъ-же не насаждаяй естъ что, ни напаяй, но возвращаяй Богъ“. Видите-ли какъ ревностно ищетъ великій Апостоль, чтобъ вѣрующіе во Христа были мертвы для человѣковъ! Оживленіе для человѣковъ естъ умерщвленіе по отношенію ко Христу, а слѣдовательно и ко всему Божественному и Духовному: потому что Христосъ естъ Единный ходатай между Богомъ и человѣками.

Возревновали нѣкогда ученики Іоанна Предтечи, узнавъ, что всѣ идутъ во слѣдъ Іисуса,—и отвѣчалъ имъ великій Предтеча: „Имѣяй невѣсту женихъ естъ, а другъ жениховъ стоя и послушая его, радостію радуется за гласъ жениховъ: сія убо радость моя исполнися. Оному подобаесть расти, мнѣ же малитися“.—Великія слова! Святыя слова! Точно,—тогда исполняютъ обязанность свою Наставники, когда они ищутъ, чтобъ въ душахъ приводимыхъ ими ко Христу, возвеличивался и возрасталъ одинъ Христосъ. Они желаютъ умалиться во мнѣннн своихъ водимыхъ, лишь бы возвеличился для нихъ Христосъ, тогда эти Наставники ощущаютъ полноту радости, какъ достигшіе конца своихъ желаній. Напротивъ того тѣ, которые приводятъ вѣренныя ихъ руководству души къ себѣ, а не ко Христу, скажу безошибочно, прелюбодѣйствуютъ.

Теперь—съ Божіею помощію нѣсколько словъ о молитвѣ! При упражненіи ея равнымъ могутъ быть дѣйствія прямо зависящія отъ крови, а неопытннй дѣлатель можетъ принять ихъ за благодатныя, какъ сказано въ 4-й части Добротолубія, въ статьѣ Святѣйшаго Каллиста Патріарха Константинопольскаго подъ заглавіемъ: „Образъ вниманія молитвы“. Можно найти въ дѣйствіяхъ, происходящихъ отъ крови, нѣкоторую сладость и возмннть, что это молитвенное услажденіе. Таковая мысль—заблужденная; это—самообольщеніе, именуемое Отцами—„мнѣніемъ“. О „мнѣннн“ говоритъ св. Іоаннъ Карпафійскій въ концѣ 49-й главы, что оно естъ ушнательство души (упоеніе души довольной собою, своимн мннмо сладостными состояніями) и дменіе „суетное

ума“, происходящее отъ таковаго довольства или унитательства. Въ этомъ состояніи самообольщенія, называемаго „мнѣніемъ“, находились тѣ, къ которымъ писалъ святой Апостоль Павелъ: „Се сыти есте, се обогатистеся, се насладистеся“. Еслибъ они точно обогатились, къ чему-бъ—обличеніе? Если же Апостоль ихъ обличаетъ, то значитъ, что они имѣли только мнѣніе богатства. „Мнѣніе не попускаетъ быть мнимому“, говоритъ святой Сумеонъ Новый Богословъ. Итакъ можетъ быть мнѣніе молитвы, препятствующее познать и вкусить истинное молитвенное дѣйствіе. О такихъ сомнительныхъ сказала Пресвятая Владычица наша, Богородица, Приснодѣва Марія: „алчущія исполни благъ, богатыя же отпусти тщи“¹⁾. „Суть богатыя себѣ“, говоритъ Писаніе,—„ничего же имуще: и суть смиряющесе во мнозе богатствѣ“²⁾.—Какъ можно богатиться скуднымъ?—Явно—мнѣніемъ. Но участь ихъ достойна сожалѣнія: въ то время какъ алчущіе исполняются благъ, они отходятъ съ пустыми руками. А въ будущемъ вѣкѣ и „еже мнится имѣти взято будетъ отъ него“ (мнителя). Богатство мнимое можетъ-ли быть существеннымъ? При обличеніи, отверженіи на судѣ Божиемъ самаго мнѣнія, съ чѣмъ останутся имѣвіе лишъ одно мнѣніе?—Съ пустыми руками.—

Что сказать объ ощущаемыхъ воли дѣйствіяхъ при молитвѣ?—Онѣ рѣшительно кровяныя; нельзя вамъ не признать, что дѣйствуетъ и мнѣніе. Совѣсть ваша, подозрѣвающая справедливость и правильность этихъ дѣйствій, сомнѣвающаяся въ нихъ, уже можетъ служить достаточнымъ обличеніемъ. Вдобавокъ вы темны; Божественное дѣйствіе просвѣтило бы и удовлетворило васъ, удовлетворило бы не ощущеніемъ сладости, а познаніемъ Истины, отъ чего является въ совѣсти чудное спокойствіе, извѣщеніе. Дѣйствуетъ теплота по наружности вашего тѣла; но вамъ совершенно неизвѣстно (это можетъ быть постигнуто только опытомъ), какимъ образомъ душа движется въ соединеніе съ умомъ; влечетъ за собою тѣло; какимъ образомъ въ хладѣ тонкомъ и мирѣ глубокомъ человѣкѣ, соединенный самъ съ собою, превысшій всякой борьбы, чуждый всякаго грѣха, одѣянный въ покая-

¹⁾ Лук. 1, 53.

²⁾ Притч. 13, 7.

ніе, предстоить передъ лицомъ Господа чистою молитвою, объемлющею все его существо—и самое его брѣніе. Тогда умолкаетъ кровь, бѣжитъ прочь мнимая сладость, человекъ зрѣтъ, что онъ существо падшее, наставляется покаянію, которое должно объять его, содѣлать для него возможнымъ очищеніе, чрезъ очищеніе—соединеніе съ Богомъ. Покаяніе должно быть душою молитвы, безъ него она мертва, смердитъ воню мнѣнія гордостнаго и оболъстительнаго! Покаяніе—единственная дверь, посредствомъ которой можно о Господѣ обрѣсти пажить спасительную. Вознерадѣвшій о покаяніи чуждъ всякаго блага.

У васъ кровь жива, а душа мертва. Для оживленія души нуженъ Духъ. Съ живою душою сотворенъ былъ Адамъ, т. е. душѣ его соприсутствовалъ Духъ Божій и приводилъ ее въ движеніе; почему движеніе это было движеніемъ духовнымъ, въ Богѣ. При согрѣшеніи Адама отступилъ отъ него Духъ Божій; душа Адамова тутъ-же умерла, а ожили плоть и кровь. Посредствомъ ихъ діаволъ началъ дѣйствовать на душу, содержать ее въ омраченіи, смерти, плѣненіи. Отъ того-то нужно умерщвленіе не только плоти, но и крови; если же не умертвится кровь, то не смотря на молчаніе плотскихъ страстей, діаволу довольно посредствомъ крови держать душу въ плѣнѣ дѣйствіемъ душевныхъ страстей. Если душа не предпочистится и не умилоститъ Бога покаяніемъ; то никакимъ образомъ невозможно ей ощутить дѣйствія духовнаго. Если-же не оживетъ такимъ образомъ (движеніе есть вѣрный знакъ жизни); то никакъ не возможно познать и узрѣть душевныхъ страстей. А не узрѣвъ узъ своихъ, возможетъ-ли освободиться отъ нихъ? Находясь въ этихъ узахъ, она находится въ области діавола, который держитъ ее въ своемъ омраченіи и мертвости.

Какое движеніе души?—вы спросите.—На умъ плотской и на сердце плотское не взыде, отвѣчаю, чтобъ душа могла быть способна къ такому движенію, чтобъ существовало такое движеніе души. Спросите у покаянія: пусть оно доставитъ вамъ опытное знаніе этого блаженнаго движенія. Иначе нельзя узнать его какъ опытомъ; слова слабы, чтобъ изобразить его: оно ни принадлежитъ къ тлѣнному міру. Вѣруйте, съ простотою вдайтесь въ покаяніе,—и „Божіе само по себѣ придетъ“ къ вамъ, какъ говоритъ св. Исаакъ Сирскій. Богъ вѣренъ: толкующимъ отвѣзаетъ, плачущихъ

утѣшаетъ, нищимъ духомъ даруетъ Царство Небесное. Не думайте о покаяніи легко: это душа всѣхъ подвиговъ, это общее дѣланіе, которое должно одушевлять всѣ прочія дѣланія. Одни, пребывавшіе въ истинномъ покаяніи, достигли истиннаго преуспѣянія. Оно есть то существенное дѣланіе, которое предуготовляетъ насъ къ явленію въ насъ Царства Небеснаго. Самъ, Самъ Спаситель возвѣстилъ это! „Покайтесь, сказалъ Онъ, приблизится Царствіе Небесное“. Милосердый Господь уготовалъ намъ дивное, небесное, вѣчное Царство, указалъ дверь, которою мы можемъ войти въ спасительную пажить Духа и Истины, дверь покаянія. Если пренебрежемъ покаяніемъ,—безъ всякаго сомнѣнія, останемся внѣ. Добрыя дѣла естественныя, по чувствамъ, никакъ не могутъ замѣнить собою покаянія. Св. Симеонъ Новый Богословъ, исчисляя благодѣянія, полученныя имъ отъ его Наставника, Симеона Благоговѣйнаго, говоритъ: „онъ преподалъ мнѣ покаяніе!“ И какъ не считать благодѣяніемъ указаніе средства, которымъ, однимъ только, пріобрѣтаются вѣчныя, неизреченныя сокровища. Въ покаяніи—вся тайна спасенія. Какъ это просто, какъ ясно!—Но мы какъ поступаемъ?—Оставляемъ, указанное намъ Богомъ спасительное покаяніе и стремимся къ упражненію въ мнимыхъ добродѣтеляхъ, потому что онѣ пріятны для нашихъ чувствъ, потомъ мало-по-малу, непримѣтнымъ образомъ, заражаемся мнѣніемъ и, какъ благодать не спѣшитъ осѣнить, увѣнчать насъ, то мы сами сочиняемъ въ себѣ сладостныя ощущенія, сами себя награждаемъ и утѣшаемся сами собою!

Не смѣшно-ли это? Не глупо-ли это? Не гордо-ли и дерзостно? Перестанемъ шутить съ Богомъ (простите выраженіе неприличное, которое я не остановился употребить потому, что имъ въ точности изображается наше поведеніе!), будемъ жить предъ Нимъ въ постоянномъ покаяніи. Время приблизилось, страшный судъ для насъ готовится, на немъ будемъ мы судимы не по мнѣніямъ нашимъ, которыми мы себя льстили, но по Истинѣ. Предупредимъ страшное бѣдствіе покаяніемъ, отвратимъ вѣчный плачь — плачемъ временнымъ. Опомнимся грѣшныя! Пробить уже единонадесятый часъ и поприще дѣланія скоро, скоро окончится. Но еще есть время осудить себя, чтобъ не быть осужденнымъ Богомъ. Досель мы себя оправдывали.

Прекрасный слогъ вашихъ писемъ всегда напоминаетъ мнѣ письма Великаго Варсонофія. Ваши выраженія живы, пламенны, сильны. Такова внѣшняя сторона; но если судить въ духовномъ отношеніи, то должно сказать другое. Письма Великаго Варсонофія оживлены Духомъ; въ нихъ—человѣческое мертво, живъ одинъ Духъ Святой. Ваши письма оживлены кровію и огнемъ естественнымъ; въ нихъ вы живы, живы человѣки—Бога нѣтъ!

Вы изволили писать: „братской, дружеской, трепетной заботы о нуждающемся въ помощи, я не находилъ“ (т. е. въ моихъ письмахъ) и проч. — Вотъ прямое изображеніе кроваваго дѣйствія въ васъ съ оживленіемъ человѣка! Отъ чего, упоминаемый вами трепеть въ письмахъ, какъ не отъ приведенной въ особое движеніе крови?

Еще изволите писать: „Не пріятно-ли было вамъ видѣть свое доброе чадо о Дусѣ Святѣ, нашего брата“ и проч.— Вотъ оживленіе человѣка съ мнѣніемъ предестнымъ и напыщеннымъ.

Эти статьи привелъ я вамъ, какъ образчики; но и все цѣлое оквашено однимъ и тѣмъ-же квасомъ, квасомъ ветхости Адамовой. Поймите, что въ насъ человѣкахъ падшихъ, дѣйствуетъ смѣшанное познаніе и ощущеніе добра и зла, пріобрѣтенное грѣхопаденіемъ Адама. Христосъ уничтожаетъ это смѣшеніе Евангеліемъ, замѣняя сложныя познанія и ощущенія простыми. Но какъ падшимъ и погибшимъ не свойственно наслажденіе, даже естественное, по причинѣ поврежденія естества (возбраняется употребленіе и прекраснаго напитка, въ который опущено хотя немного яду!); то дано намъ Спасителемъ въ общее и непрестанное дѣланіе—драгоценное покаяніе. Въ него вложено милосердіемъ Господомъ кроткое и смиренное утѣшеніе, состоящее въ облегченіи совѣсти, въ явленіи надежды спасенія, что называется Святыми Отцами—„извѣщеніемъ“. Какое приличное наслажденіе для грѣшниковъ! Какъ милосердіе Господне велико и премудро!

Для того, кто съ вѣрностію и постоянствомъ пребываетъ на пути покаянія, неизреченно благодатенъ Господь умножаетъ утѣшеніе, умножая умиленіе и ощущеніе ничтожности человѣческой. Избранныхъ же Своихъ и вѣрнѣйшихъ рабовъ запечатлѣваетъ отеселъ Духомъ Святымъ и вводитъ по вре-

менамъ во вкушеніе будущаго вѣка. Они точно по временамъ дѣлаются причастниками несказаннаго духовнаго утѣшенія. Кто-жъ самъ сочиняетъ себѣ наслажденіе; тотъ—въ явномъ бѣсовскомъ оболъщеніи!

Думаю, что я окончилъ возложенное вами на меня послушаніе. Сдѣлайте и для меня нѣчто. Умолите Господа, чтобы Онъ простилъ меня, дерзнувшаго въ этомъ письмѣ на обличеніе тайныхъ недостатковъ ближняго, о очищеніи отъ коихъ молится Св. Давидъ, называя ихъ впрочемъ грѣхомъ великимъ, какъ рѣшительно прекращающимъ духовное преуспѣяніе. „Отъ тайныхъ моихъ очисти мя, говоритъ онъ, и отъ чуждыхъ пощади раба Твоего: тогда непороченъ буду и очищуся отъ грѣха велика“. Мои грѣхи, не только тайные, но явные! Мои грѣхопаденія совершаются на самомъ дѣлѣ, запечатлѣваются нечувствіемъ! Слѣдовало бы мнѣ молчать: молчаніе свойственно преступнику, не имѣющему никакого оправданія и приговоренному къ казни. Единственно по скудости нашихъ временъ, я рѣшился написать къ вамъ, видя точную нужду вашу и понимая, что по искренности вашего права вы способны къ преуспѣянію.

Письмо LXXXVII.

Къ брату, занимающемуся умною молитвою.

Сердце мое говоритъ больше, нежели сколько можетъ выразить слово. И странно! едва сердце мое захочетъ начать бесѣду съ тобою, какъ впадаетъ въ него ощущеніе молитвы, уноситъ меня въ тотъ мракъ, который служитъ закровомъ Богу, свѣтомъ для разумныхъ Его тварей. Несись туда и ты! Хорошо—забыть человѣка въ Богѣ; потому что помнитъ его Богъ. Хорошо—быть мертвымъ для человѣка въ Богѣ: это—истинная жизнь, жизнь—Духомъ. Духъ и мертвитъ и живитъ. Разумѣвающій да разумѣетъ, а отъ недостойнаго да скроется слово духовное въ неприступномъ для плотскаго ума свѣтѣ своемъ.—

Отсюда, изъ мрака или съ неба—назови какъ хочешь—смотрю на тебя. Утѣшаюсь тѣмъ, что ты захотѣлъ принести сосудъ свой въ служеніе Богу,—не на другое служеніе, временное, пустое, тлѣнное.—Благословляю за это Бога, славословляю Его!

Взгляни: человекъ, отовсюду ограниченный человекъ, сколько придумалъ, сдѣлалъ вещей для удовлетворенія многообразнымъ нуждамъ и прихотямъ своимъ!—Несравненно удивительнѣе Премудрость Всепреудраго и Всемогущаго Бога въ уготованныхъ Ею безчисленныхъ, разнообразныхъ сосудахъ разумныхъ. Каждый сосудъ—съ отдѣльною, ему собственно принадлежащею способностію! всякій сосудъ— вмѣстилище какого нибудь особеннаго духовнаго дарованія. Иной способенъ къ служеніямъ, совершаемымъ тѣломъ; иной—къ дѣламъ милосердія; иной—къ молитвѣ и безмолвію; иной—съ способностію созидать души словомъ Истины и Духа,—другой со способностію управлять людьми, устроивать ихъ; иной—съ способностію доставлять обществу человекѣвъ нужное для временнаго ихъ существованія — пищу, одежду, дома и тому подобное. Твой сосудъ—для таинствъ Духа. Духъ Божій—Святъ,—почиваетъ только въ чистыхъ, святыхъ. Вычистись Истиною,—не человекскою, глупою, истиною, — Истиною Божественною, сошедшею къ человекамъ съ неба, хранимою для человекѣвъ во святомъ Евангеліи. Она говоритъ: „*Научитесь отъ Мене яко кротокъ есмь и смиренъ сердцемъ и обрящете покой душамъ вашимъ*“ Матѣ. Этотъ покой—мѣсто Духа Святаго: „*въ миръ*“, говоритъ Писаніе, *мѣсто Его*“ (Псал.).

Свойство Божественной Истины—очищать, освобождать. Сказалъ Господь: „*Аще вы пребудете въ словеси Моимъ, во истину ученицы Мои будете*“. „*И уразумѣете Истину и Истина свободитъ вы*“ (Іоан. 8, 31. 32). Онъ молился Отцу о ученикахъ Своихъ: „*Святѣ изъ*“ (т. е. запечатлѣн Духомъ Святымъ) *во Истину Твою: Слово Твое Истина есть* (Іоан. 17, 17). А ученикамъ Своимъ сказалъ: *Уже вы чисти есте за слово, еже глаголахъ вамъ* (15, 3). Посему, желающій уразумѣть Истину,—быть очищеннымъ, освобожденнымъ Ею, долженъ изучать разумомъ и дѣяніемъ Евангельскія заповѣди, хотя бы это и было сопряжено съ насліемъ сердца, стяжавшаго грѣхопадениемъ Богопротивныя наклонности и влеченія. Въ заповѣдяхъ—Истина; въ заповѣдяхъ—смиреніе; въ заповѣдяхъ—любовь; въ заповѣдяхъ—Духъ Святой. Все это засвидѣтельствовано Писаніемъ. *Вся заповѣди Твоя Истина*. воспѣвалъ Боговдохновенный Давидъ; *Имя заповѣди Моя*, сказала Господь, *и соблюдаяй иго, мой есть любяй Мя* (Іоан.

14, 21). *Будите въ любви Мой. Аще заповѣди Моя соблюдете, пребудите въ любви Мой* (15, 10, 11). Глаголы яже *Азъ глаголахъ Духъ суть и Животъ суть* (Іоан. 6, 63). Къ тому, кто исправленъ, предочищенъ Истиною, приходитъ Духъ Святыи, какъ *Духъ Истины*, неожиданно, непостижимо проникаетъ въ умъ, душу и тѣло, обновляетъ, возрождаетъ чело-вѣка въ жизнь духовную. Привлекохъ Духъ, яко заповѣди Твоя желехъ (Псал. 118, 131). Евангельскія заповѣди да будутъ предметомъ твоего ученія, размышленія, дѣятельности всей жизни. *Иже будетъ во Мнѣ и Азъ въ немъ*, чрезъ соблюденіе Евангельскихъ заповѣдей, сказалъ Господь. *той сотворитъ плодъ многоъ*. Напротивъ того: *безъ Мене не можетъ творити нищоже*, то есть никакой духовной добродѣтели. Добродѣтели же свойственныя всему падшему человѣческому естеству,—какъ бы ничто, не имѣютъ никакой цѣны предъ Богомъ, подлежатъ огню геенскому. *Аще кто во Мнѣ не пребудеть* соблюденіемъ Евангельскихъ заповѣдей, *извержется вонъ, яко розга, и изсыхетъ, и собираютъ ю, и во огнь ввергаютъ, и сгараетъ* (Іоан. 15), несмотря ни на какія добродѣтели естества падшаго.

Въ молитвахъ твоихъ погружайся весь въ покаяніе. Есть состояніе обновленное.—это знаешь; а находишься въ состояніи ветхости! и потому пребывай въ непрестанномъ сѣтованіи, въ печали спасительной. Отвергни себя! *Не имай души свою честну себѣ* (Дѣян.) по примѣру святаго Апостола. Оцѣнивай себя только осужденіемъ себя. Будь безкорыстенъ предъ Богомъ. Никакъ не возволь себѣ ожиданія благодати: это—состояніе и ученіе находящихся въ самообольщеніи, отпавшихъ отъ Истины. Стремись узрѣть грѣхъ твой и возрыдать о немъ: это твое дѣло. А Богъ сдѣлаетъ Свое дѣло, потому что Онъ вѣренъ, далъ обѣтованіе и исполнить его. Благодать—Его! Дать ее—Его дѣло. Не сочти свои ризы чистыми, достойными духовнаго брачнаго чертога, сколько бы ты ихъ не обмывалъ: судія твой—Богъ.

Мнѣ понравилось служеніе твое родителю твоему. Пусть причиною этого служенія будетъ не союзъ крови, а заповѣдь Великаго Бога, сказавшаго: *Чти отца твоего и мать твою и благо ти будетъ*. Повсюду замѣни плоть и кровь Христомъ. Онъ отдѣлитъ тебя отъ земли и вознесетъ къ Себѣ на небо.

Выписываю для тебя нѣкоторыя изреченія Святыхъ Отцевъ:

„Братъ спросилъ великаго Сисоя: Какъ мнѣ спастись, какъ угодить Богу?—И отвѣчалъ ему Старець: Если хочешь угодить Богу,—отступи отъ міра, отступи отъ земли, оставь тварь, приди ко Творцу, совокупись съ Богомъ посредствомъ молитвы и плача, и найдешь покой въ этомъ и будущемъ вѣкѣ.“

„Сказалъ великій Варсонофій: Если оставишь попеченіе о всякой вещи, то это приблизитъ тебя ко граду. Если не будешь вмѣнять себя въ человѣкахъ,—это вселитъ тебя во градъ. А если умрешь отъ всякаго человѣка,—этимъ наслѣдуешь градъ и его сокровища“.

„Братъ спросилъ авву Пимена: что мнѣ дѣлать со страстями смущающими меня?—Старець отвѣчалъ: будемъ плакать предъ благостію Божіею, доколѣ Богъ не сотворитъ съ нами Своей милости“.

„Другой братъ спросилъ того же великаго Пимена: Что мнѣ дѣлать съ грѣхами?—Старець отвѣчалъ: хотящій очиститься отъ содѣланныхъ имъ грѣховъ, плачемъ очищается отъ нихъ и хотящій сохраниться отъ впаденія въ новые грѣхи, плачемъ сохраняется отъ нихъ. Это путь покаянія, преданный намъ Писаніемъ и Отцами, которые говорили: плачьте, потому что другаго пути кромѣ плача, нѣтъ“.

„Великій Пименъ говаривалъ: Начало золь—разсѣянность“.

„Онъ же говаривалъ: Если человѣкъ во всякомъ обстоятельстве будетъ обвинять себя самого, то вездѣ устоитъ.“

„Еще онъ говорилъ: Если будешь молчаливъ, то найдешь покой вездѣ, гдѣ бы ты ни жилъ“.

„Написалъ святой Іоаннъ Лѣствичникъ: Исходящій тѣломъ, но неисходящій словомъ—кротокъ, весь—домъ любви“.

„Онъ же написалъ: Затворяй дверь келліи для тѣла, дверь языка для разговора, и внутреннюю дверь для духовъ лукавыхъ“.

Слѣдующую заимствую изъ 41-го слова св. Исаака Сирскаго, сокращая: „Болѣе всего возлюбилъ молчаніе, потому что оно приблизитъ тебя къ плоду. Слова недостаточны, чтобъ повѣдать о немъ. Сперва понудимъ себя молчать; тогда отъ молчанія родится въ насъ нѣчто, которое будетъ наставлять насъ молчанію. Да дастъ тебѣ Богъ ощутить нѣчто рождаемое отъ молчанія. Если начнешь жить этимъ жительствомъ,—не знаю сколько свѣту возсіяетъ тебѣ отсюда. Не подумай,

что повѣдуемое молчаніе дивнаго Арсенія было слѣдствіемъ его свойства естественнаго. Нѣтъ! онъ сперва понуждалъ себя къ молчанію. При этомъ жительствѣ рождается въ насъ множество слезъ и видѣніе чудное. Великъ человекъ, имѣющій въ душѣ обычай молчанія. Молчаніе вспомошествоуетъ безмолвію. Намъ, живущимъ между многими, невозможно избѣжать встрѣчъ съ людьми; даже равно-Ангельный Арсеній, возлюбившій болѣе всѣхъ безмолвіе, не возмогъ устранить отъ себя встрѣчи. Невозможно не встрѣчаться съ сожителствующими намъ Отцами и братьями—и нечаянно, и ходя въ Церковь, и при другихъ случаяхъ. Видя это, досто-блаженный мужъ приучилъ себя, наставляемый благодатію, ко всегдашнему молчанію“.

Въ 20-мъ словѣ св. Исаакъ научаетъ инока говорить, обращаясь къ душѣ своей, такъ: „Въ безуміи прожилъ ты жизнь твою, срамнѣйшій человекъ, достойный всякаго наказанія. По крайней мѣрѣ сохранись въ этотъ день, оставшійся отъ дней твоихъ, истраченныхъ во-тще, скудныхъ дѣлами благими, богатыхъ дѣлами злыми. Изшелъ ты изъ міра таинственно, вмѣнился мертвымъ ради Христа; не ожидай снова для міра и для всего того, что принадлежитъ міру,—и предварить тебя покой, ты будешь живъ о Христѣ. Готовься и приуготовься ко всякому поношенію, ко всякой досадѣ, поруганію и укоризнѣ отъ всѣхъ. Примь все это съ радостію, какъ точно достойный того. Претерпи съ благодареніемъ Богу всякую болѣзнь, скорбь и бѣду отъ бѣсовъ, которыхъ волю ты совершалъ. Претерпи всякую нужду и горести естественныя! Претерпи съ упованіемъ на Бога лишеніе тѣлесныхъ потребностей, долженствующихъ чрезъ краткое время превратиться въ гной. Подклони выю всему этому въ надеждѣ на Бога, не ожидая ни отъ кого другаго избавленія, или утѣшенія, но возверзи на Господа попеченіе твое и во всѣхъ искушеніяхъ осуди себя самого, какъ причину ихъ. Не соблазнись ни чѣмъ, не укори никого изъ оскорбляющихъ тебя: потому что ты вкусилъ отъ запрещеннаго древа и стяжалъ различныя страсти. Съ радостію примь эти горькія врачества: пусть онѣ потрясутъ тебя немного—и ты впослѣдствіи усладишься. Увы тебѣ! увь твоему смрадному тщеславію! Душу твою, исполненную всякихъ грѣховъ, ты оставилъ безъ вниманія, какъ-бы не под-

лежащую никакому осужденію, а занимался осужденіемъ другихъ, осуждая ихъ и словами и помышленіями“...

„Феофиль, Патріархъ Александрійскій, посѣтивъ безмолвниковъ горы Нитрійской, спросилъ ихъ авву, великаго угодника Божія: Что нашель ты на пути иноческой жизни особенно важное? Духоносный Старець отвѣчалъ: то, чтобъ во всемъ обвинять себя и непрестанно укорять себя“.

„Преподобный Пименъ Великій называлъ самоукореніе тою сваею (бревномъ, вбиваемымъ въ землю), къ которой привязываютъ ладію душевную во время бури“.

Вотъ образцы и свидѣтельства подвиговъ, тебѣ свойственныхъ, могущихъ принести душѣ твоей обильную пользу. доставить тебѣ прочное духовное воспитаніе. Не подумай, что для наученія безмолвію необходимъ затворъ, или глубокая пустыня. Нѣтъ! Гораздо лучше научиться ему между людьми при посредствѣ душевнаго подвига. Самыя паденія, невидимыя ближними, видимыя и вѣдомыя Богу и совѣсти, паденія ума и сердца, послужать къ пользѣ, содѣлывая тебя искуснымъ въ борьбѣ со грѣхомъ, открывая тебѣ всю немощь человѣка. Подвижникъ, воспитанный между людьми силою невидимаго внутренняго подвига, бываетъ прочень, богатъ знаніемъ и опытностію духовною, исполненъ смиренномудрія, для ближняго—пристанище, сокровище. Онъ подобенъ древу, выросшему на открытомъ холмѣ, подвергавшемуся вѣтрамъ порывистымъ и всѣмъ другимъ непогодамъ; такія древа глубоко пускаютъ въ землю корни. Бываютъ особенно сочны, полны жизни и силы. Напротивъ того питомецъ затвора и уединенной пустыни. подобенъ цвѣтку и древу, воспитанному и возлелѣянному въ оранжереѣ. Ему свойственна пагубная изнѣженность: при малѣйшемъ ненастьѣ онъ уже страдаетъ; ненастье—немного посильнѣе: онъ умираетъ. Совершенное уединеніе, по правиламъ духовнаго закона, дозволяется только тѣмъ, на подвигъ которыхъ, какъ выражается св. Іоаннъ Лѣствичникъ, низошла благодатная роса Святаго Духа. Для такихъ точно — полезно, нужно строгое уединеніе, чтобъ при помощи его свободно предаться ученію и водительству Духа, о чемъ говорить—нынѣ не время.

Мы еще не довольно знакомы... Говорю такъ, чтобъ не сказать: ты еще мало знаешь меня. По этому нужно намъ

условиться. Если я и недостойнъ называться человѣкомъ, имѣя въ себѣ много скотскаго и бѣсовскаго; то ты, по любви твоей ко мнѣ, припиши мнѣ достоинство человѣка, или, по крайней мѣрѣ, достоинство разумной твари, хотя и запечатлѣнной горестнымъ грѣхопадениемъ. Сынъ Божій называетъ Себя въ Евангеліи Сыномъ человѣческимъ. Богъ, явившійся между человѣками, не принявъ на Себя никакого выдуманнаго падшими человѣками титула,—именуетъ Себя наименованіемъ, даннымъ намъ Богомъ, Который предъ нашимъ сотвореніемъ совѣщался Самъ въ Себѣ таинственно: „Сотвори мѣ человѣка“. Сынъ человѣческій!.. Какъ мнѣ нравится это наименованіе! Какое прекрасное наименованіе! Смирненное и возвышенное наименованіе! Какъ наставительно и утѣшительно звучитъ оно въ ухахъ моихъ!.. Люди не захотѣли этого наименованія, имъ понадобилось: Высокопреподобіе, Высокоблагородіе... Какая бессмыслица! И поведеніе ихъ, подобно имянамъ, сдѣлалось бессмыслицей, карикатурой уродливой, въ которой гордое—въ соединеніи съ глупымъ. На конвертѣ, позволяю, пиши какую хочешь бессмыслицу: но въ письмѣ будь какъ человѣкъ съ человѣкомъ, какъ сердце съ сердцемъ, предъ очами Всесвятаго Бога. Пусть сердце твое бесѣдуетъ со мною просто, искренно; каждое слово твое пусть будетъ для истины. А Богъ!—Будетъ, какъ и есть свидѣтелемъ бесѣды нашихъ, которыхъ причина и цѣль—Онъ, и наше въ Немъ спасеніе.

Назначеніе этого письма—удовлетворить не общей,—частной нуждѣ, твоей нуждѣ; оно написано подъ вліяніемъ твоего душевнаго состоянія. Это не универсальное лекарство,—частное, твое! Ты читай это письмо и перечитывай, переноси слова его съ бумаги въ сердце; ты пей изъ этой чаши здравіе душевное; а другимъ она можетъ принести только недугъ, послужить поводомъ къ пустымъ сужденіямъ, пересудамъ, къ зависти, къ составленію ложныхъ догадокъ и мнѣній. Скрой отъ всѣхъ письмо, строки, букву: пусть способные читать сердцемъ и умомъ прочитаютъ его въ твоемъ поведеніи и прославятъ Бога, хотя инаго, чтобъ всѣ человѣки спаслись, пришли въ познаніе Истины.

Сообщилъ Иеромонахъ Игнатій (Садковскій).

(Оканчаніе слѣдуетъ).